

Мужчина по-прежнему пристально смотрел на Лин Цзыханя и сказал с ледяным спокойствием:

— Если ты Лин Цзыхань, я расскажу. Если нет — я ничего не знаю. Можете меня убить.

Лин Цзин мгновенно взорвало такое поведение, он уже потянулся к кобуре.

Лин Цзыхань шагнул вперёд, положил руку ему на плечо и слегка надавил — то ли успокаивая, то ли останавливая. Он спокойно посмотрел на мужчину:

— Я Лин Цзыхань. Теперь говори, где Имин?

Мужчина уставился на него, вдруг усмехнулся:

— Хорошо. Я отведу вас.

Лин Цзин и Ло Цяньцю переглянулись. Эта внезапная покладистость казалась крайне подозрительной. Но они полагались на своё мастерство и смелость, да и вокруг были свои люди — бояться каких-то уловок не приходилось. Лин Цзин взмахнул рукой, Лю Юн вывел пленника за дверь. Ло Цяньцю последовал за ними, а Лу Шаохуа остался в доме допрашивать второго захваченного.

Лин Цзин сделал два шага вперёд, прикрыв собой Лин Цзыханя. Тот понял его порыв — и на сердце потеплело. Во всех прошлых операциях он всегда находился на самой опасной передовой. А теперь Лин Цзин, даже сердясь на него, всё равно постоянно старался уберечь. Это новое, незнакомое чувство наполняло Лин Цзыхана странным теплом.

Пленник медленно побрёл к окраине деревни. Ло Цяньцю немедленно вызвал два отделения, и те окружили одинокий дом.

Дойдя до тополя у самого дома, пленник вдруг изо всех сил ударил по стволу ладонью. На дереве оказался скрытый механизм: раздался пронзительный свист, и с верхушки взмыли три ракеты. Они разорвались в небе яркими вспышками.

Затем пленник развернулся и бросился на Лин Цзыханя, который шёл рядом с Лин Цзином.

Лин Цзин молниеносно рванул Лин Цзыхана к себе, прикрывая телом. Пистолет Лю Юна тут же изрыгнул огонь. Не успев добежать до цели, пленник получил несколько пуль и рухнул замертво.

Лин Цзыхань без тени волнения наблюдал за этим, анализируя смысл самоубийственного поступка.

Неужели всё — только ради сигнала? Но зачем платить такую цену?

Лин Цзин нахмурился, обдумывая странную ситуацию, и обратился к Ло Цяньцю:

— Такого сигнала мы раньше не видели. Что они задумали?

Ло Цяньцю тоже сморщил лоб и медленно покачал головой:

— Не пойму. Какой смысл в таких жертвах?

— Причина должна быть, — пробормотал Лин Цзин, глядя на гаснущие в небе вспышки. — Может, они намеренно подбросили нам информацию через наших осведомителей?

Тогда Ло Цяньцю понял, почему Лин Цзин неожиданно появился там, где они обедали. Многие их информаторы жили в тех краях, и для получения сведений они часто сами наведывались туда.

Лин Цзыхань же уже во всём разобрался и тихо сказал:

— Имин пришёл за мной.

Лин Цзин, Ло Цяньцю и Лю Юн уставились на него в недоумении.

Лин Цзыхань спокойно и медленно продолжил:

— Более двадцати лет назад Китай совместно с семью соседними странами нанёс одновременный удар и уничтожил террористические сети в Средней Азии. Операцию планировал, координировал и руководил действиями на нашей территории мой отец. Имину тогда удалось ускользнуть, но его трёх братьев уничтожили войска под командованием отца. А его отца лично захватил мой отец, и позже того казнили. В начале этого года схватили и его сына. Так что Имин питает к нашей семье лютую ненависть.

Взгляды Лин Цзина и остальных мгновенно наполнились изумлением и почтением. Двадцать с лишним лет назад Лин Цзин был ещё ребёнком, но именно та потрясшая мир операция зажгла в нём огонь — с тех пор он мечтал о военной карьере, о славе полководца, о службе родине...

Лин Цзыхань, встретив их взгляды, невольно улыбнулся:

— Не смотрите на меня так. Я-то тут ни при чём. Всё это сделал мой отец, не я.

Лин Цзин медленно кивнул:

— Теперь я понимаю. Только ты мог заставить Имина так рискнуть и проникнуть в Синьцзян.

— Да, — Лин Цзыхань улыбнулся, глядя в небо. — Имин наверняка жаждет лично покончить со мной.

В предрассветном свете лёгкий белый дымок от трёх ракет тихо плыл в воздухе. Он прошептал:

— Это же сообщение Имину: «Лин Цзыхань здесь». Ну что ж, Имин, когда ты придёшь? Я жду.

Лин Цзин, Ло Цяньцю и Лю Юн смотрели на этого, казалось бы, бесполезного и хрупкого интеллигента. Но сейчас его обычно бледное и мягкое лицо излучало бесстрашную отвагу и непоколебимую решимость.

В этот момент подбежал Лу Шаохуа, взволнованно доложив:

— Сломался! Имин действительно на территории, сейчас в районе Булуна.

Осеннее солнце мягко освещало бескрайнюю пустыню, наполняя её теплом и покоем.

Лин Цзыхань медленно вышел за пределы деревни, встал на песке и устремил взгляд к самому горизонту.

Жёлто-оранжевые дюны, словно застывшие волны, тянулись до бесконечности. Над ними раскинулось безоблачное небо — бескрайнее, бледно-голубое. Казалось, весь мир состоит лишь из этих двух красок. Лёгкий прохладный ветерок время от времени поднимал тонкие струйки

песка; они, словно дымок, пролетали немного и вновь оседали.

Лин Цзыхань слегка запрокинул голову, глубоко вдохнул прохладный сухой воздух и невольно закрыл глаза, подставив лицо солнцу.

Неподалёку за ним стояли четверо солдат. Их задачей была охрана заместителя комбата, и они не беспокоили его, лишь бдительно сжимая оружие и наблюдая за округой.

Вскоре подошёл Лин Цзин. Он сразу заметил ту тонкую, одинокую фигурку, стоящую на невысоком песчаном холме на фоне неба. Он быстрым шагом направился туда, жестом остановив солдат, собиравшихся встать по стойке «смирно», и встал рядом с Лин Цзыханем.

Лин Цзыхань почувствовал, как песок под ногами слегка просел, открыл глаза и повернулся.

Лин Цзин встретил его взгляд — невероятно чистый, прозрачный — и сердце его внезапно и сильно ёкнуло, словно от удара в грудь. Он никогда в жизни не видел таких глаз: без тени желания, без каких-либо эмоций, спокойных до пустоты. Как высокогорное озеро в безлюдной местности — прекрасное в своём безмолвном, бескрайнем уединении.

Лин Цзыхань тоже никогда не видел Лин Цзина растерянным. Этот знаменитый на весь мир воин всегда был целеустремлённым и собранным, казалось, никогда не терял самообладания. Перед отправкой в Синьцзян Лин Цзыхань изучил всё, что было о нём в документах. Когда Лин Цзин узнал, что его семью вырезали, что все родные погибли, он на мгновение побелел, но всё равно методично завершил задание, организовал работу в отряде и только тогда поехал домой. Он выслушал доклад начальника уголовного розыска, осмотрел место преступления, опознал тела родителей, супруги и сына, кремировал их и собственноручно похоронил. Весь этот время сопровождавшие его представители правительства и армии не могли сдержать слёз, но он сам не проронил ни слезинки. Закончив с похоронами, он молча вернулся в часть. С тех пор его жизнь состояла только из тренировок и боёв. В каждой операции он шёл впереди, а его свирепая, беспощадная ярость повергала в трепет даже самых отъявленных террористов. Он был настоящим воином — таким, каких в жизни почти не встречается.

Так они и стояли рядом в пустыне, плечом к плечу, в молчании, каждый погружённый в свои мысли.

Четверо солдат позади в недоумении переглянулись, но не посмели проронить ни слова, лишь разошлись пошире, удвоив бдительность.

Кругом царила полная тишина, даже ветер стих. Воздух был прохладным и чистым, как хрусталь. В этот миг им казалось, будто они перенеслись в другое время и пространство, отгороженные от реальности. Они были совершенно разными людьми, но их души находились в одном состоянии: оба не желали погружаться в суету мирской жизни, оба устали от шума, предпочитали одиночество и никогда не жаловались. Единственное различие: у Лин Цзыханя ещё была защита отца, а у Лин Цзина в этом мире не осталось никого близкого, и потому ему всё ещё приходилось терпеливо поддерживать внешние связи.